

Предисловие

Присвоение чинов, почетных званий и наград, или наоборот – осуждение, разжалование и исключение; сопротивление посягательствам на доброе имя и борьба за восстановление репутации, отдавание долга памяти, почитание, протесты и демонстрации, речи и воззвания, возведение памятников и акты вандализма, террористические атаки и экзекуции, встречи на высшем уровне и мирные переговоры – это лишь некоторые примеры того, что символизация неотделима от социальной деятельности и отношений. Их участники демонстрируют мастерство в использовании символов и постоянную изобретательность в их производстве, хотя их символическая власть различна.

Название книги *«Символы и общество»* указывает на то, что двенадцать содержащихся в ней статей представляют собой результат стремления к систематизации вопросов символизма в явлениях социальной жизни. О выборе этого пути я сообщала в исследовании *«К социологии символических процессов»*, открывающем предыдущую книгу *«Символы в интеракции»* (2001). Это направление было избрано, ориентируясь на символический интеракционизм и прагматизм, поскольку символизм понимается как инструмент и результат социальной деятельности и взаимодействий. Анализ такого рода позволяет более глубоко понять взаимосвязь между явлениями, которые принято определять как культуру и общество. В дальнейшем я также обращаюсь к культурализму Флориана Знаниецкого и его культурной социологии как разновидности интерактивной и интерпретативной социологии, в которой можно найти базу для анализа культуры и власти.

Подзаголовок *Очерки по интерпретативной социологии* го

[Купить книгу на сайте kniga.biz.ua >>>](http://kniga.biz.ua) быть еще

далеким, но его очертания уже достаточно четко видны. Он представлен в главе *Символы и общество*, которая открывает эту книгу и служит ее названием, а позже развит в статье *Социальный символизм. Формы и функции*, где явления символизма показаны в процессах конструирования, сохранения и трансформации социальных институтов, групп и их участников. Таким образом, я продолжаю анализ познавательных репрезентаций, социальных настроений и социальной памяти в их символических формах. Изменения в отношениях между разными социальными группами (этническими, национальными, политическими, религиозными) имеют не только свои символические аналоги, но и символические инструменты, как это показано в статье *Символические конфликты коллективной памяти*. Память и идентичность вышли на первый план в политике символизации в ее различных локальных проявлениях, но – что особенно значимо – они вышли на первый план и в глобальном масштабе, становясь социальными проблемами нового типа, о чем идет речь в этом исследовании глобализации коллективной памяти и глобализации символических конфликтов памяти. Проблемы коллективной памяти особенно усиливаются, когда речь идет о памяти травмы. В таком случае политика памяти определяет возможности сближения и гармонизации взаимосвязи между группами.

Концепции символического конструкционизма, политики символизации и политики памяти были применены к анализу феномена «Солидарности» в его длительной продолжительности как символического движения и темы дискурсов, реконтекстуализирующих большинство смысловых рамок, которые являются решающими для интерпретаций и традиций движения.

Идентичность как проект и процесс является ключевой постсовременной проблемой, в отношении как к общностям, так и к личностям. Очерк теории сознания, сопоставимой с символическим конструкционизмом, я представляю в статье *Социальное сознание как символическая интеракция*, где сознание представлено в процессе его конструирования через воздействие других людей и собственную активность личности. О вкладе в символический [Купить книгу на сайте kniga.biz.ua >>>](http://www.kniga.biz.ua) знание, ко-

торый внес анализ интеракции как игры, драмы или ритуала, я напоминаю в статье, посвященной особенностям интеракционизма Ирвинга Гофмана.

О статьях, содержащихся в книге, можно также сказать, что они являются очерками по культурной социологии. Я полагаю, что символизм – это более правильный исходный пункт в исследованиях социальных явлений, связанных как с личностями, так и с общностями, без противопоставления субъективности и объективности, чем концепция понимания – *Verstehen*¹. Но все же представленный анализ вписывается в традиции понимающей, гуманистической, позже называемой интерпретативной, социологии. Четыре последних статьи посвящены традиции интерпретативного подхода, ее истокам, неоднозначностям и многозначностям, этическим дилеммам, связям с науками о культуре, а также аргументам в пользу сохранения специфики социологического подхода к социальным явлениям и вопросам символизма в ситуации новых вызовов не только в социологии, но и в других социальных науках и науках о культуре, которым сопутствуют радикальные постмодернистские программы, оспаривающие объективизм научных исследований, их автономию и познавательную дисциплину.

Представленные вопросы исследованы, но требуют дальнейшего рассмотрения. В качестве объяснения можно привести размышления Циприана Камиля Норвида и его совет помнить о том, что даже выдающийся автор подписывался:

[...]

итальянский мастер «pingebat», а не «pinxit»².

¹ *Verstehen* (нем.) – понимание. Понятие в социологии, которое появилось благодаря М. Веберу. Состоит в том, чтобы поставить себя на место других людей с целью понять их намерения, а также смысл и цели их действий (*прим. ред.*).

² В стихотворении «Теофилу», посвященному польскому поэту и скульптору Теофилу Ленартовичу, Норвид сравнивает подписи на картинах Ван Эйка и неизвестного итальянского мастера. Ван Эйк был первым нидерландским художником, который начал подписывать свои произведения, чаще всего при помощи формулы ALS IK KAN (голл.) – «как могу». По примеру Ван Эйка, неизвестный итальянский мастер использовал подпись pingebat (лат.) – рисовал, писал (с акцентом на процессе создания произведения), а не pinxit (лат.) – нарисовал, написал (с акцентом на авторстве и результате) (*прим. ред.*).

*Поэтому сегодня ничто не есть зрелым,
В жизни, в искусстве, в основе историй,
Ведь изначальная мысль является ценной,
Но оставаясь лишь в голове – неполноценна³.*

(перевод отрывка переводчика текста)

Символы – это социальные продукты, а общество конструируется при помощи символизма. Символизация делает возможными цивилизационные процессы, расширяя сферу человеческой свободы от природы благодаря созданию символически преобразованной среды. Социологический анализ, вероятно, позволяет немного продвинуться вперед в понимании существующей символической среды, символического контроля и символической трансформации.

³ С. К. Норвид, *Teofilowi*, в С. К. Норвид, *Wiersze*, wybór, wstęp, komentarz S. Sawicki, Redakcja Wydawnictw Katolickiego Uniwersytetu Lubelskiego, Lublin 1991, s. 104.

I. Символы и общество

Рассматривая символизм, его значение и результаты, американский философ Альфред Н. Уайтхед в 1927 г. решительно заявил: «Ни один социум не может существовать без символизма»¹. Подобные взгляды также находим в произведениях мыслителей более раннего времени, в трудах Жан-Жака Руссо, а на заре развивающихся современных социальных наук в текстах Джамбаттиста Вико. Также эту тему затронул и развил в своих исследованиях классик социологии Эмиль Дюркгейм, который указывал, что: «... социальная жизнь во всех своих проявлениях и в каждый момент своей истории оказывается возможна только благодаря обширной системе символов»². В последнее время той же традиции мышления следует Пьер Бурдьё, который формулирует теорию социальной символической системы и утверждает, что «(...) социальный мир объективно является организованной по законам дифференциации символической системой (...)»³.

Доведенный до *bon mot*⁴ тезис о значимости символизма в социуме может показаться банальным, но, когда начнется более серьезное обсуждение того, как на самом деле существует общество и как следует понимать символизм, оказывается, что этот тезис выводит нас на обширную область исследований, многие сферы которой до сих пор совершенно не исследованы наукой. Ведь точку зрения упомянутых выше мыслителей разделяли не все исследователи, а само понятие символизма нередко исклю-

¹ А. М. Whitehead, *Symbolism. Its Meaning and Effect*, Forham University Press, New York [1927] 1985, стр. 1.

² E. Durkheim, *Elementarne formy życia religijnego. System totemiczny w Australii*, tłum. A. Zadrożyńska, Państwowe Wydawnictwo Naukowe, Warszawa 1990, s. 223.

³ P. Bourdieu, *Social Space and Symbolic Power*, «Sociological Theory» 1989, t. 7, nr 1, s. 20.

⁴ Вол (ou, fou) – подпадающее состояние отчаяния и выражение (прим. ред.).

чалось из парадигмальных установок социальных теорий и исследований. Но все же Уайтхед отмечал, что различное отношение к господствующему символизму – его подтверждение или отрицание – отличает также различные исторические эпохи. Если средневековые характеризовались расцветом символического мышления, символизма ритуального и церемониального поведения, геральдики и сакральной архитектуры, то Реформация этот символизм отвергла и ввела новый. Изменение символизма и переменны в социальных отношениях в то время, впоследствии, как и совсем недавно, во время трансформации государственного строя в посткоммунистических странах, оставались в самой тесной связи. Поэтому следовало бы дополнить исходное утверждение Уайтхеда – **символизм не только поддерживает существование обществ, но и делает возможными социальные изменения.**

Рассуждения Уайтхеда на тему символизма были своеобразным дополнением к символическим практикам, формирующим публичную сферу в Соединенных Штатах Северной Америки, показательным примером которых является возведение перед Капитолием памятника Джорджу Вашингтону – символа республиканского строя после американской революции, вместе с которой потеряла свою легитимность символика монархии. Уайтхед развивает любопытные размышления на тему – как он выразился – «социологической мудрости», условием которой является осознание того, что: «Искусство свободного общества состоит, во-первых, в сохранении символического кода и, во-вторых, в бесстрашии перед его изменением, что может являться гарантией того, что код служит целям, удовлетворяющим просвещенный разум. Те общества, которые не могут сочетать почтение к своим символам со свободой их изменений, должны в конце концов распаться или под воздействием анархии, или от медленного истощения жизни, задушенной бесплотными призраками»⁵.

Таким образом, Уайтхед может вдохновлять тех исследователей общества, которым близка мысль, что символизм является первостепенным явлением, а свобода относится к главным ценностям и принципам в социальной жизни. Разделяя убеждение о значимости процессов символизации

⁵ A. M. Whitehead, *Symbolism. Its Meaning and Effect*, dz. cyt., с. 88.

в социуме, автор обращает внимание на то, что искусство символического конструирования общества вписано в политику, и начаты исследования символического господства, символического насилия и символических конфликтов. Исходным пунктом служит тот факт, что символический код, который равно определяет как основные категории женского и мужского пола в культурном значении, так и категории социальной иерархии, а в горизонтальной плоскости социальных взаимосвязей разделение на «своих» и «чужих», формирует социальную символическую систему. Учитывая, что проблематика связей между обществом и символами невероятно обширная, исследовалась разными способами и не лишена противоречий, предлагаю для начала рассмотреть семь тезисов, которые в общих чертах охарактеризуют социологическую перспективу, с помощью которой можно рассматривать символизм.

- Тезис 1.** В теории и исследованиях социальных явлений произошел «символический поворот».
- Тезис 2.** Исследование социального символизма требует отхода от метафизических симвонологий.
- Тезис 3.** Социальный символизм проявляется, прежде всего, в актах символизации: в социальной деятельности, интеракциях, коллективных действиях, или, в общем говоря, в социальных практиках.
- Тезис 4.** Социальный символизм невозможно свести к иррациональным представлениям, к воображаемому и многозначному.
- Тезис 5.** Социальный символизм и его функции тесно связаны с координацией человеческой деятельности, с установлением социальных отношений, в том числе, отношений власти, с конструированием и трансформацией социальных групп во времени.
- Тезис 6.** Исследование социального символизма позволяет более точно представить взаимосвязь между культурой и обществом.
- Тезис 7.** На концепции общества как символической интеракции основывается социология символических процессов и теория символического конструирования общества.

Ссылаясь на приведенное выше утверждение Уайтхеда, можно, в целом, сказать, что наследие утилитаризма, рационализма и позитивизма в социальной теории способствовало неблагодарному отношению к проблеме символизма, а значит, путь к систематическому анализу социального символизма прокладывался с трудом. Более внимательное исследование этих вопросов позволило бы заметить, хотя бы только в XX веке, последовательное возобновление и ослабление интереса к этой проблематике, что имело бы смысл изучить более подробно, чем только в общем обратившись к интеллектуальному *Zeitgeist*⁶.

Несмотря на то, что часто на первый план выходит усталость от бессодержательности дискуссии о расплывчатых категориях постмодернизма и постсовременности, в синдроме определения их характерных черт явным, неоспоримым и достойным признания является возобновление исследований символизма. Отсюда также можно заметить «символический поворот» в социологии, или, в более широком контексте, в социальной теории (**тезис 1**), хотя чаще речь идет о «культурном повороте». Культура понимается уже не только в категориях аксионормативного порядка, устойчивых систем ценностей и норм, но и как символическое средство, определенный инструмент, который создает категории значений и формы деятельности – модели «чего-то» и «к чему-то», с помощью которых возможно конструирование и понимание социальных институтов. Все явления коллективной жизни людей сегодня более выразительно раскрывают свое культурное измерение, а символизм является ключом к их пониманию. В центре внимания и интереса оказалась проблема коллективных идентичностей, дифференциация социальной памяти и символические конфликты по поводу значения группового опыта, как локальные, так и глобальные. Культура обнаружила себя там, где когда-то ее, как правило, не изучали⁷ – в экономике и в политике, что отражают такие новые и часто употребляемые понятия, как: управление значением, организационная культура, политическая культура, символическая политика.

⁶ *Zeitgeist* (нем.) – дух времени, философская концепция из области истории философии (прим. ред.).

⁷ J. R. Hall, M. J. Neitz, *Culture. Sociological Perspectives*, Prentice Hall, Englewood Cliffs, NJ 1993, pp. 1-4.